

НИК КАРПИН

Приключения Нордика и его друзей

ВОЛШЕБНЫЕ СКАЗКИ КАРЕЛИИ

Ник Карпин

**Приключения
Нордика и его друзей**

«Издательские решения»

Карпин Н.

Приключения Нордика и его друзей / Н. Карпин —
«Издательские решения»,

Времена покорения Земли закончились. Оказалось, что человек всего лишь малая частица природы. Имеет ли букашка право на Земле? Ответ найдете в этой сказке...

Содержание

Легенда северного края	6
Знакомство с Нордиком	8
Что же рассказал Нордик	10
Детство Вековика	12
Таинственные ослы	14
Рак Яшка	18
Яшка знакомится с Нордиком	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Приключения Нордика и его друзей

Волшебные сказки Карелии

Ник Карпин

© Ник Карпин, 2016

© Анастасия Трифанова, иллюстрации, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Легенда северного края

Рыбак Эйно рассказывал, как много лет тому назад с юга через горы к нам в северную равнину прорвался ураган по имени Кер. Тучи сплелись с клубами пыли, день смешался с ночью, горы качались и рушились, казалось, само время повернуло вспять, так силен был тот ураган. Он мчался на север, превращая скудную землю в пустыню. И много бед натворил бы Кер, не повстречайся на его пути Белая Ночь. Русоволосая красавица покорила буйное сердце силача. Громадный, он не посмел нарушить хрустальную тишину ночи. С той поры Кера будто подменили. Осторожно ступал он вслед за Белой ночью. От его горячего дыхания пыльным ковром расцветала тундра. Птицы, звери, растения – всё живое радовалось их союзу.

В пути могучий избранник рассказывал северной красавице про море изумрудного цвета, про воздух, напоенный запахами морских водорослей и редких цветов, о ночном пении цикад.

Белой Ночи чудились те незнакомые звуки, запахи. Её сердце при этом билось учащенно.

Они все дальше уходили на север, и однажды Кер призвал Белую Ночь повернуть на юг, туда, где теплое море, где совсем не бывает снега. Северная красавица закрыла глаза, легкий вздох вырвался из ее груди. Они двинулись дальше на север.

В один из дней, проведенных в пути, внезапно раздались пронзительные крики чаек. Поразному отозвались они в сердцах влюбленных. Кер стал тих и печален. Он устал и вскоре уснул. Но куда подевалось спокойствие его милой подруги? Белая Ночь сидела рядом и плакала. Слезы алмазными россыпями повисали на паутинках, стекали на валуны, делая жесткий мох на них мягким и шелковистым.

Сквозь забытье Керу чудилось многоголосое гоготанье. Это и вправду гуси, утки огромными стаями покидали суровую родину с робкой надеждой вернуться вновь. Холод заставил

Кера очнуться. Белой Ночи не было рядом. Тьма мириадами звезд равнодушно взирала на него сверху. Могучий ветер громко позвал свою любимую, и черное небо осветилось разноцветным полотнищем. Тайная посланница – Северное Сияние – явилась ему. Она рассказала ветру, что Студеный Океан силой заточил Белую Ночь в ледяную темницу.

– Я найду, я освобожу её! – Загремел Кер. Эхо повторило: «Найду... освобожу...».

Ураган проносился над ледяными полями старика-океана. Он выворачивал прибрежные скалы и глыбами камня крошил льды, навечно сковавшие холодные воды. В воздух вздымались осколки льда, огромные волны поднимались кверху. Но старик-океан молчал. Он спал, а когда проснулся, обнаружил изможденного Кера. Могучий ветер беспомощно плакал. Он не сдержал обещание, не нашел, не высвободил Белую Ночь из ледяного плена. Могучий Кер плакал, а Студеный Океан превращал его слезы в пушистый снег. Снег падал на землю и уже не таял.

– Зима, зима пришла! – кричали где-то внизу дети оленеводов.

Побежденный царством холода Кер отступал. Не замечая людской радости, он растворился среди бескрайних северных равнин.

А что же Белая Ночь? С первыми лучами солнца она вышла из ледяного плена. Сынок-ветерок Нордик сопровождал её повсюду. Они искали Кера. Чутко прислушивалась Белая Ночь, всей душой желая вновь уловить могучее дыхание милого друга. Но лишь унылая песня комара-зануды нарушала северное безмолвие.

Знакомство с Нордиком

Занятый делами, я забыл про ту легенду. Что ни выдумают люди ради красного словца. Однажды после трудового дня я наслаждался прохладой уходящего дня. Раскаленное солнце устало клонило к горизонту. Занятно было наблюдать из окна своей квартирки, как затаившаяся тьма осторожно протягивает сумрачные щупальца к домишкам, рассыпавшимся у подножия сопки. Словно боясь быть проглоченными ею, домики один за другим поспешно наполнялись изнутри электрическим светом. Комары, почуяв прохладу наступающей ночи, настраивали писклявые голоса. Затем вечерние разбойнички накнулись на меня. Раздосадованный их укусами, я собирался уже захлопнуть свое оконце, как вдруг почувствовал сзади чье-то присутствие. Кто-то невидимый кружил по комнате. В разных углах ее раздавалось легкое пофыркивание. Я крутил головой, не понимая в чем дело. Наконец, мне надоел этот розыгрыш, и я строго прикрикнул:

– Кто здесь!

После яркого заката глаза с трудом принаравливались к полумраку комнаты. И все же, мои усилия увенчались успехом. Я не верил глазам. По комнате двигался мальчик. В слабых сумерках на нем виднелась простенькая рубашонка. Заправленная в штанишки, она пузырилась от непрерывных движений мальчика, светилась нежно-синим переливчатым светом. Я вскочил со стула, чтобы лучше рассмотреть необычное явление. Уверяю вас, в ту минуту я не бредил, а для верности даже ущипнул себя за ухо. Видение не исчезало. Мальчик бесшумно сновал по комнате. Я не смел шелохнуться и лишь наблюдал. Привлеченный занавесками, мальчик стал играть, закружил ими в воздухе. Занавески послушно надулись розовыми парусами, взлетели до потолка, сморщились и бесшумно опали. По комнате пронесся ветерок. А мальчик оставил их в покое и уже крутился над толстой энциклопедией на моем столе. Он все пытался перевернуть страницу здоровенной книги. Я усмехнулся его слабости. Словно в отместку он вцепился мне в волосы.

– Эй, приятель, поосторожнее! – не выдержал я, хотя мне не было больно. Мальчик не отпускал. Что за забияка, и откуда такой взялся? Но мелькнула слабая догадка. Я отказывался верить. Фантастика! Между тем проказник оставил в покое мои волосы и юркнул в узкую щель между платяным шкафом и стеной. Оттуда пукнуло. Невидимая пыль защекотала ноздри, я громко чихнул. Из-за шкафа показалась всклокоченная голова. Большие рыжие глаза сверкнули озорством.

– Я знаю, кто ты. – Выдохнул я, и даже протянул руку, чтобы схватить проказника, но странное сопение за окошком помешало сделать это. Окно оставалось открытым. Не стовариваясь, мы с Нордиком (а это был он) высунулись наружу.

Неподалеку на зеленом лужку, краснолицый дородный мужчина, пытался освободить бычка-сосунка. Несчастный бычок так запутался в длинной веревке, что упал на бок и лишь жалобно дрыгал в воздухе крепкими ножками. Хозяин неторопливо распутывал скрученную узлами веревку, ласково поругивая питомца. Наконец пленник освободился от пут и неуверенно вскочил на ножки. Мужчина почесал его за ухом и не спеша, повел во двор.

– Это Пронька, – произнес мальчик.

– Кто Пронька? – не понял я.

– Бычок Пронька!

– Ты его знаешь?

– Я всех в округе знаю, – важно заявил мальчик. – Хочешь, расскажу про него историю?

– Хочу! – воскликнул я.

Нордик, еще недавно казавшийся выдумкой, собирался рассказать мне историю. Как было не слушать его!

– Все это выдумки и враки! Чудес не бывает, – воскликнут одни.

– Всякое возможно, – возразят другие. Что ж, друзья, предлагаю набраться терпения и наострить ушки. Мальчик уже рассказывает. Его голос, словно весенний ручеек, журчит. Слушайте вместе со мной!

Что же рассказал Нордик

Первым на поляне в тот день проснулся он сам. Дуб Вековик еще спал, и его макушка тряслась от храпа. Нордик бесцеремонно ткнул сою в толстый бок и принялся трясти его за разлапистую ветку. Старый дуб приоткрыл один глаз, и некоторое время наблюдал за своим приятелем. Потом сграбастал проказника за шиворот и запихнул в самую гущу своей кроны. Нордик легко выскользнул оттуда. Раскинув огромные ветви, Вековик пытался поймать расшалившегося приятеля. Однако тот ловко выворачивался из широких объятий и тузил, шекотал друга за толстые бока. Вдвоем они подняли такой шум, что разбудили всех обитателей поляны.

Былинка, уютно расположившаяся под кроной Вековика, приветливо кивнула нарядной головкой и пожелала всем доброго утра. Дятел Желзна принялся за работу. Он лихо отстукивал барабанную дробь по стволу Скрипучей Ели. Золотистое солнышко поднялось над деревьями. Пригретые его ласковыми лучами, Нордик и Вековик наконец успокоились. На поляне установилась тишина, но ненадолго. Вскоре раздался громкий стрекот сороки. Сидя на еловой ветке, птица нервно подергивала длинным хвостом, и бросала любопытные взгляды на заросли кустов. В самой их гуще что-то сердито сопело, ворочалось, трещало. А верхушки кустов гуляли из стороны в сторону. Наконец заросли раздвинулись, и на поляне появился бычок Пронька. Настроение у Проньки было просто дрянь! Бычок больше всего на свете любил материнское молоко (свою маму он любил, конечно же, сильнее всех). После выпитого парного молока Проньку неудержимо тянуло бегать и бодаться. А бодаться было не с кем. Уже битый час бычок выискивал соперника, но лишь сонное спокойствие царило кругом. Забияка даже пытался боднуть свою тень. Но та ох и хитрая: то вперед бычка забежит, то сзади окружит. Пронька возмущенно крутился на месте, наконец его терпение лопнуло. Он бросился по кругу, зажмурив глаза, пока не оказался в колючих зарослях. Там бычок выдрал себе клочок шерсти на боку и получил царапину под глазом... Будет тут хорошее настроение!

«Поляна пустая, а значит, дело дрянь», – думал Пронька, мрачно озираясь. И тут он заметил Былинку. В такт ветру та приветливо кивала кому-то нарядной головкой и совсем не замечала хмурого пришельца.

– Эй ты, давай бодаться! – неучтиво крикнул Пронька, выкатив красные глазища. Былинка вдрогнула и чуть не переломилась пополам от такого предложения.

– Я... я не умею бодаться, – растерянно пролепетала она. – Но если вам так угодно, то... – от страха Былинка потеряла дар речи.

А Проньке и не нужно было согласие. Наклонив к земле шерстистый лоб с волнистой челкой, он прытко помчался на Былинку, да так, что земля из-под его копыт полетела во все стороны.

– Какой ужас! – пролепетала Былинка и покорно закрыла глаза. Что и говорить, силы были неравны.

– Так не годится! – воскликнул Нордик, с интересом следивший за происходящим.

Вековик согласно зашумел листвой. Но как защитить Былинку от бычка? Еще мгновение, и глупый бычок сломает, сомнет, растопчет хрупкую Былинку. Нордик сообразил. Перед самой Пронькиной мордой он изо-всех сил дунул на Былинку. Былинка качнулась в сторону, и бычок промахнулся. Пронька обернулся и увидел Былинку на прежнем месте. Она приветливо кивала ему нарядной головкой, словно прося извинения за доставленную неловкость. Пронька рассвирепел. Он хотел зареветь взрослым быком, но вместо этого МУКНУЛ, топнул копытцем и снова бросился вперед.

– О-е-эх! – гикнул Нордик и снова пригнул Былинку к земле. Бычок вихрем пронесся мимо, споткнулся о корень, – это дуб ему подставил подножку – и с разгона лбом врезался в мощный бок Вековика. Искры снопами посыпались из глаз маленького бычка, так что

на поляне едва не случился пожар. Но скажите, как еще было успокоить не на шутку расхотевшегося задиру?

– А-а-а! – вопил Пронька. – Говорила, бодаться не умеешь, а сама вон как! Я маме все расскажу. – Расплакался маленький бычок. На лбу у него выросли две шишки, одна больше другой. Былинка в ответ виновато качала красивой головкой. Нордику стало жаль незадачливого бычка, и он принялся старательно обдуть его шишки. В конце концов, маленький Пронька успокоился и поковылял восвояси. Нордик проводил его почти до дома. Мало ли что еще по дороге случиться! На прощание Пронька клятвенно обещал Нордику никогда больше не трогать Былинку и всех тех, кто слабее его. Кажется, он сдержал слово.

Детство Вековика

– А как в здешних местах появился Вековик? – придиричиво поинтересовался я у мальчика. – Ведь дубы у нас не растут. Им холодно у нас.

– О, это другая история! – воскликнул Нордик. – Мой друг Вековик где хочешь приживется. Вековик прошел три огня, – мальчик стал загибать пальцы на моей руке. – Две воды и одну медную трубу.

– Хо! – только и выдохнул я.

А Нордик во всех подробностях принялся описывать первые жизненные шаги своего товарища. Шаги эти больше походили на гигантские прыжки и дальние перелеты. Верилось с трудом, тем более что самого рассказчика тогда еще на свете не было. Вековик же, как показало время, в силу своего возраста много чего путал. История такова.

Когда Вековик беззаботно висел на отцовской могучей ветви вместе со своими братьями, он представить себе не мог, сколько опасностей и неприятностей таит окружающий мир. Будучи крохотным желудем, он грелся на солнце, болтался на ветру, купался под дождем, чтобы осенью вслед за остальными желудями, такими же жизнерадостными и крепкими, как он, скатиться на землю и прорасти в благодатной земле настоящей дубравой. Что и говорить, прекрасное зрелище: родительское крепкое дерево в окружении молодой поросли.

Так бы все в точности и случилось. Но на беду в тех местах завелся кабан, который повадился ходить к дубу. Звали его Свинтус. После такого визита от упавших на землю желудей оставались лишь разгрызенные скорлупки и пустые шляпки с хвостиком. Гора из скорлупок росла с каждым днем. Последний оставшийся лежать на земле желудь не пожелал быть съеденным и прытко бросился наутек при виде голодного кабана. И хотя Свинтус был вовсе не злой, но при виде убегающего лакомства он свирепо хрюкнул и бросился в погоню. Быть бы маленькому беглецу съеденным, но спасла река. Желудь оказался вертким пловцом, а Свинтус не очень.

Недолго радовался маленький пловец удачному спасению. Не успел он глазом моргнуть, как перед ним распахнулась пасть, полная зубов, и желудь очутился в рыбьем желудке. Но к счастью, голодная рыба запуталась в сетях и вскоре оказалась на столе рыбака Яна. Но Ян был еще и охотником. Чудак и фантазер зарядил именное шомпольное ружье найденным в рыбине желудем и, посмеиваясь, выстрелил наудачу. Именно с той поры, как гласит история, Вековик сделался туговат на единственное ухо. Желудь не разлетелся вдребезги, что еще раз подтвердило крепость дубовой природы. Энергично раздвигая заросли кустарника, снаряд угодил в левый глаз своему недавнему обидчику, а именно Свинтусу. Взревев от боли, кабан снова бросился в погоню за отскочившим от тучного тела снарядом.

Судьбе было угодно вновь спасти маленького желудя в реке. И новая жадная рыбина проглотила его, а затем попала в сети.

Ян был удивлен новой встрече со старым знакомым. Он снова зарядил и выстрелил из ружья.

Нордик утверждал, что после второго выстрела Вековик сделал три витка вокруг Земли. На последнем витке он еще больше оглох и кроме свиста ветра в единственном ухе, ничего из того полета не запомнил. Две воды и два огня Вековик, бесспорно, преодолел. Тот полет закончился падением в надраенную до блеска медную духовую трубу, лежавшую на скамейке в парке. Труба была приготовлена для выступления перед почтенными горожанами.

В назначенный час труба сфальшивила, расстроив игру всего оркестра. Как вы думаете, кому принадлежала та труба? Ну, конечно же, Яну. Ко всему прочему Ян оказался еще и музыкантом. Можно только представить его негодование, когда он обнаружил в трубе при- таившегося упрянца. Рассерженный музыкант насыпал в ствол вместо одной три меры пороха.

Потом долго пыжевал-трамбовал ствол железным шомполом. Закинул в него желудь, снова пыжевал-трамбовал свое ружье, похожее сбоку на медную духовую трубу. Извергая проклятья, Ян выстрелил на север. Третий выстрел был ужасен, но два предыдущих закалили волю будущего героя. Он не рассыпался на части, не разлетелся на кусочки, как того следовало ожидать, а долго-долго летел по воздуху. Потом еще дольше катился по буеракам и колдобинам, пока не провалился в старую кротовую нору. Нора оказалась теплой, так что зимние холода не доставили ему хлопот. С приходом весны желудь пророс (после стольких испытаний не прорасти было просто невозможно) и с годами превратился в многоуважаемого Вековика.

Несколько раз я пытался прервать юного рассказчика, чтобы высказать ему свои сомнения. Однако Нордик с горячностью, присущей молодым людям, утверждал, что после знакомства с Вековиком самолично отыскал кабана. Старый Свинтус лежал в болотце, спасаясь от дневной жары. Его подбитый левый глаз служил бесспорным свидетелем той давней истории.

– Скорее всего, это случилось в отместку за те желуди, которые я тогда безжалостно съел, – добавил на прощание старый Свинтус.

Было далеко за полночь, когда Нордик закончил свой рассказ, и вдруг стало ясно, вот сейчас он ускользнет от меня и, возможно, навсегда. Окно в комнате оставалось открытым.

– Куда ты пойдешь? Поздно уже. – Сказал я. В ответ лишь услышал свистящий смешок.

– Ты придешь еще? – мне ужасно жаль было расставаться с новым знакомым.

Легкое дуновение было ответом. Нордик бесшумно растворился в бархате ночи. Я же, возбужденный столь необычным знакомством, долго ворочался в постели и никак не мог уснуть. Наконец впал в забытие. Во сне я вдруг превратился в маленького мальчика. Над моей кроватью закружили таинственные фигуры... появился бородатый старичок с рыжим бельчоном на плече. Его сменил капитан с трубкой во рту, в форменных брюках и кителе с золочеными пуговицами. По комнате чинно прошествовали ослы. Стены комнаты раздвинулись, и дальше последовали удивительные события.

Таинственные ослы

Ранним утром из-за пригорка одна за другой вынырнули серые фигурки. Вскоре в прохладной тишине уже отчетливо слышался стук копыт о твердую высохшую землю. Четыре ослика семенили по лесной дорожке. Они торопливо срывали листья с придорожных кустов, жуя их на ходу. Откуда появились, куда спешили невиданные в здешних местах пришельцы, было известно разве что им самим, ну, может еще ворону Брони, кружившему высоко в небе. Брони был даже старше Вековика и целыми днями наблюдал сверху за всем происходящим на земле. Старый Брони тоже не знал намерений загадочных незнакомцев, потому что, заметив их, удивленно каркнул и поспешно опустился на землю.

– Куда путь держите, уважаемые? – деликатно спросил он у первого осла.

– На Кудыкину гору! – отрезал тот и прошагал дальше, однако следовавший за ним другой осел произнес:

– Слушай, Хруст, может, эта птица нам подскажет путь дальше?

«Хруст, какое удивительное имя!» – подумал ворон Брони. Первый Осел остановился.

– Слушай, – грубо обратился он к ворону, – нам нужен старик Тиэдяй. Знаешь такого?

– Тиэдяй!? – удивленно протянул Брони. – А позвольте узнать, любезный, зачем вам нужен этот старый колдун.

– За ним водится должок... гм, то есть мы должны ему... да-да, мы должны ему рассказать, сколько хороших дел натворили в его отсутствие. То есть я хотел сказать, сколько хороших дел мы сделали с той поры, как он напялил на нас эти шкуры. Будь они прокляты! – разбранился под конец первый осел. И другие ослы затрясли головами в знак согласия.

– Вот так история наклеивается! – подумал ворон Брони и даже хотел тревожно каркнуть, но спохватился и продолжил учтивый разговор с незнакомцами.

– Все, что вы сейчас сказали, так замечательно!

– Что ж тут замечательного? – промямлили ослы.

– Все замечательно, уверяю вас. Я непременно помогу вам отыскать избушку, где проживал Тиэдяй, только позвольте еще спросить...

Но ослы перебили:

– А почему жил?

– Потому что он умер, – ответил ворон.

– Как умер?! – ахнули ослы.

– Потому что старый был...

Это известие сразило ослов наповал. Они принялись кататься по земле, цепляя длинными ушами изрядные порции дорожной пыли, при этом бросали жалкие взгляды на ворона. Брони важно вышагивал по дорожке и продолжал задавать вопросы.

– Так вот, любезные, позвольте спросить, что это за шкуры на вас. Для лося они маловаты, для козла великоваты. Ответьте, пожалуйста, а то я могу умереть от любопытства, ведь я такой ветхий, возьму и развалюсь на части. И никто тогда не укажет вам дорогу к избушке, – ворон хитро склонил голову набок и закатил глаза, будто собирался умереть сию минуту.

– Мы ослы! – громко запричитали пришельцы и торопливо вскочили на ноги. – О горе нам! Сколько тяжестей перетаскано в этих шкурах, сколько пота пролито в них, и все для того, чтобы угодить Тиэдяю, а он взял и умер.

– Так дела не делаются, – прокричал первый осел. – За хорошую работу он обещал содрать с нас эти шкуры. Что же нам теперь делать? Кому счет предъявить.

– О, несчастные мы сироты, – прокричали остальные ослы. – А больше в той избушке никто не живет? – спросили они, и хитро посмотрели на ворона.

– Там теперь живет Лешка. Лешка вам может помочь, он сын Тиэдяя, – сказал Брони.

– Сын! Веди нас скорее к этому сыну. Да-да, пусть он нам поможет. Мы в долгу не останемся, дорогие подарки тебе подарим. Ох, как мы тебя отблагодарим, если покажешь нам, где живет этот самый Лешка, – ревели на весь лес ослы.

При упоминании о подарках Брони оживился, хлопнул крыльями по бокам, и предупредил:

– Путь предстоит неблизкий.

Ослы приуныли:

– Мы устали...

– Не расстраивайтесь, друзья, – расшаркался пере чужаками Брони. – Я покажу вам гостиницу «Кивийнэ вярчи»¹, где вы пре-кр-расно отдохнете.

Ослы восторженно заикали и немедля последовали за вороном.

– Сейчас дорожка свернет налево, – объяснял Брони, сидя на первом осле. – Потом будет спуск с горы. А потом... А потом старый ворон разговорился и выболтал ослам и дорогу к Лешкиной избушке, и многое другое, чего незнакомцам знать не следовало.

Вскоре зарастающая дорожка привела к заброшенной усадьбе. Среди развалин оказалась едва приметная дверь, ведущая в подземелье.

– Добро пожаловать в гостиницу «Кивийнэ вярчи». Тут вас никто не потревожит, здесь вы спокойно отдохнете, – прокаркал довольный Брони.

Ослы в нерешительности сгрудились перед дверью.

– Эта гостиница больше похожа на тюрьму. – Проговорил тот, кого ослы звали Хруст.

¹ Кивийнэ вярчи в переводе с карельского языка – Каменный мешок)

– Смелей! – подбодрил их ворон.

Ослы подозрительно переглянулись. Хруст, скомандовал:

– Ты, Хлюпало, останься здесь, а Кнут и Баклушка пойдут со мной.

Вскоре из-под земли раздались глухие голоса. Они звали осла, оставшегося караулить дверь.

– Ха-а! – воскликнул ворон, когда за последним ослом захлопнулась дверь. – Теперь, голубчики, вы от меня никуда не денетесь, теперь-то я выведаю все ваши секреты.

И он уселся на ветку дерева, росшего неподалеку.

– Ослиные шкуры... тяжелая работа... старый Тиэдяй, – перебирал ворон Брони события прошедшего дня. Неожиданный порыв ветра подхватил его и сбросил с ветки. Брони чертыхнулся в воздухе.

– Быть грозе, – подумал он, усевшись на землю. И действительно, небо заволокло тяжелыми тучами, вокруг стало темно. Крупные капли дождя забарабанили по земле, поднимая на дорожке фонтанчики пересохшей пыли.

– Не мешало бы и мне в подвал, – с этой мыслью ворон забился в сухую траву под нависшей скалой. И вовремя. Молния угодила в дерево, на котором он только что сидел, и разнесла его в щепки.

– Ну и ну, – прошептал ворон и забылся старческим сном.

* * *

Проснувшись, Брони стал поджидать вчерашних знакомых. Он важно прогуливался у входа в «Кивийнэ вярчи», время от времени старательно вслушиваясь в тишину за дверью.

– Что они там, умерли? – с досадой думал ворон, громко кашляя от нетерпенья. Наконец из подземелья послышались голоса, дверь распахнулась и вместо вчерашних ослов вышли люди.

– Не узнаешь? – с усмешкой спросил первый. Голос его походил на голос осла, которого звали Хруст. – Пока ты спал, мы побывали у Тиэдяя.

– Так ведь он умер! – воскликнул ворон.

– А сынок его? Забыл? Он сполна вернул нам долг отца.

– Что, и шкуры с вас содрал? – переспросил изумленно Брони.

– Освободил... – многозначительно поправил его Хруст. – Мы ему кое-что тоже вернули.

При этих словах Хруст криво ухмыльнулся, его товарищи хихикнули.

– Чудной сынок оказался, – прокряхтел один из них.

– Доверчивый, – добавил второй.

– Хорошо с таким иметь дело, – просипел третий.

– Это точно! – подтвердил Хруст. – Ладно, птица, – обратился он к старому ворону, – мы хотим гулять.

– Да! – Радостно подхватили остальные. – Песни петь, гулянки гулять. А то скука тут у вас: Леса да озера, болота да кочки, комариный рай.

– Болота да кочки, говорите? – обиделся Брони. – У нас, где ни копни – золото.

– Золото? – воскликнула четверка. – Где золото?!

– Да хотя бы в Янгоярви.

– Янгоярви, Янгоярви, – запела четверка. – Ну и названия у вас. Где это?

– Не скажу, – вконец разобиделся Брони.

– Тогда пошли гулять с нами, – предложил первый.

– А вы часом не разбойники?

– Обижаешь! – произнес сиплый. – Век воли не видать.

Чудные заверения сиплого немного успокоили старого ворона, и он указал им дорогу к поляне, на которой жили Нордик и его друзья.

Место там и впрямь было прекрасное: зеленая травка, рядом речка, дуб шатром раскинул тень. Вскоре разбойники уже расположились под дубом, развели костер и принялись уплетать запасы, прихваченные с собой.

Брони захотел пить. Хруст налил ему и прошептал, так чтобы старый ворон не слышал.
– Тахтуо, развяжи язык старому Брони.

Брони выпил заговоренной воды, и с ним начались чудеса. Язык его сделался как помело. Сам того не желая, ворон рассказал дорогу до Янгоярви полного золота. Потом вдруг кукарекнул петухом, чирикнул воробьем, стал приплясывать, хлопать крыльями по земле, поднимая тучи пыли. Брони сам себя не узнавал.

Хруст усмехнулся и прошептал:

– А теперь спи как мертвый!»

Брони в последний раз жалобно чирикнул, повалился на траву и захрапел.

Когда со старым вороном было покончено, разбойники весело заговорили.

– Ловко мы Лешку провели.

– Доверчивый оказался.

– Чудной.

– Простак!

Наевшись и напившись до отвала, разбойники грянули песню. Хруст орал:

*Люди нас считают злыми, нам на это наплевать.
Жизнь нас сделала такими, еще хуже можем стать!*

Ватага дружно подхватывала:

*Трах-шарахчик, вжик-вжик-вжик,
Ножичком по горлу чик!*

В песне оказалось много хвастливых слов об удали, о том, что родня разбойникам – пистолет да кастет, и другой у них нет. Стемнело, ватага не думала униматься и даже пустилась в пляс. Но дальше случилось такое, от чего плясуны потом долго не могли опомниться.

– Так вот ты где! – раздался из темноты пронзительный крик.

Ужас перекошил лица разбойников. Хрусту показалось, это умерший Тиэдяй ожил и нагрянул к ним с возмездием...

Но в этом месте шайку-лейку нужно оставить. Пусть себе трясутся от страха, а мы должны познакомиться со следующим героем, без которого дальнейшие события просто немыслимы.

Рак Яшка

Яшка появился на свет, и вся родня долго гадала, какого же он цвета: не синего, не зеленого и уж, конечно, не красного. Может, фиолетового? Дальний родственник морской краб определил:

– Ребенок родился цвета «баклажан».

– Баклажан, так баклажан, – согласилась родня.

Вскоре родичи разъехались, расплылись, расплзлись по родным местам, утверждая в голос, что сначала на свет появилось Яшкино любопытство, а потом сам Яшка. Спорный вопрос, но ходить, плавать и говорить, маленький рак научился одновременно. Так, по крайней мере, утверждали Яшкины родственники. И, если маленькие дети сначала произносят слово «мама», затем «папа», то первые Яшкины слова были: «Кто это?» После того, как он произнес их, обрадованный отец объяснил, – это твоя мама.

– Кто это? – сын указал на отца. Тут уже обрадовалась мамаша. Она пояснила, что это «папа», а Яшка, их сын, и они, родители любят его.

– Что это? – продолжал Яшка.

– Это стул, – объяснил отец и даже показал, как нужно правильно на нем сидеть.

– Это обеденный стол, за которым мы едим, – пояснила мама.

Пока она объясняла, телескопические глазки сына выглядывали из-под стола, из-под кровати, из-под ящика с игрушками, из-под комода.

– Дорогая, тебе не кажется, что у нас вместо одного сына стало два? – спросил у мамы папа-рак.

Мама-рак удивленно посмотрела на папу:

– Ты просто утомился, и тебе не мешает прогулка.

С этими словами родители отправились вон из домика, наказав сыну ничего не трогать, никуда не выходить и вообще ничего не делать.

Однако, как только родители ушли, Яшка исследовал все, что попадалось на его пути. Каждый предмет он изучал основательно.

– Что это? – бурчал под нос пытливого рака и принимался за дело.

Вскоре стул, на котором недавно сидел отец, оказался без спинки, обеденный стол – без ножи. Куклу, похожую на Буратино, Яшка так хватил клешней, что у той отвалился длинный нос.

Беспорядочная горка из сломанных игрушек, стульев и прочей мебели росла на глазах. В запале Яшка едва не оторвал себе клешню. Он зацепился ею за вешалку и долго не мог отцепиться. А левый его ус стал наполовину короче правого. Шишечки, шишки, целые шишаки вскоре покрывали его маленькое тело. Он стал похож на кукурузный початок. Но это не огорчало маленького рака.

Яшка совсем не заметил как, пятясь назад, он выполз из родительского дома. Ведь дверь была распахнута. А может, той двери не было вовсе.

– Ну и ну! – удивился рак открывшемуся простору. В прозрачных водах речки резвилось множество рыб. Чтобы лучше их разглядеть, Яшка вскарабкался на раскидистую подводную корягу, под которой собственно и был расположен их скромный домик-нора.

Рыбы: толстые и тонкие, важные и не очень – сновали влево и вправо, вверх и вниз; стайками и навстречу друг другу, да так юрко, что у маленького рака закружилась голова. Повисев на коряге, он упал на каменистое дно. Лежать на спине и смотреть снизу вверх оказалось очень удобно. К нему подплыла серебристая рыбка. Падая, Яшка махал клешнями, и рыбка подумала, что ему нужна помощь.

– Вы звали меня? – спросила она.

– Вежливая, – подумал рак и невежливо спросил. – Ты кто такая?

– Меня зовут Форель. Мы тут с сестричками играем, – ответила рыбка.

– Бойкая, – подумал маленький рак.

– А вас как зовут? – в свою очередь поинтересовалась форель.

– Яшка, – не без гордости ответил рак.

– Давайте, Яша, с вами в салочки-догонялочки играть, – предложила рыбка.

– Как это? – Яшка даже приподнялся.

Форель объяснила ему, что будет убегать от него, а он должен её догнать. Яшка тут же ухватил рыбку за хвост обеими клешнями. А клешни у него были хоть маленькие, но крепкие и с зазубринами на концах.

– Не так! – обиженно вскрикнула Форель. – Вы считайте: раз, два три, а я скажу: «Догони!» Только, пожалуйста, отпустите мой хвост.

– Вежливая, – отметил маленький рак, и отпустил рыбин хвост.

Он принялся считать, как его научила форель. С криком «Догони!» рыбка серебристой стрелкой устремилась вперед.

– Ура-а! – восторженно завопил Яшка.

К своему изумлению, он поплыл хвостом вперед, в обратном направлении, и плыл до тех пор, пока не уперся в огромный подводный валун.

– Ну что же ты? – огорченно спросила его Форель, перейдя на «ты».

– Мы, раки, догонять не умеем, нам легче убегать, – ответил Яшка с достоинством, которого хватило бы на двух взрослых раков.

– Вот и прекрасно! – весело зашебетала форель.

Они быстро договорились. Теперь форель догоняла Яшку, умевшего удивительным образом плавать хвостом вперед.

Рак и рыбка заигрались и совсем не заметили, как опустела река. Рыбы: большие и маленькие, важные и не очень, куда-то исчезли, а по дну речки скользила длинная тень. Тень изгибалась и переламывалась на выпуклых донных камнях, делаясь от этого еще длиннее.

– Клацка! – крикнула вдруг рыбка и юркнула под камень.

– Клацка, Клацка, что за Клацка? – недовольно ворчал Яшка. Ему не терпелось продолжить игру. Наконец и он увидел тень на дне, так перепугавшую всех обитателей речки. Оттолкнувшись от дна, Яшка, словно боевой кораблик, мягко причалил и накрепко пришвартовался к скользкому пятнистому бревну, тень от которого и скользила по дну. Рак зорко всматривался в прозрачные воды речки, выискивая таинственную страшную Клацку.

– Трусиха! – наконец произнес он. – Такую игру испортила.

Однако досадовать на маленькую форель пришлось недолго. Пятнистое бревно, за которое он все еще цеплялся клешнями, разинуло огромную пасть с густым частоколом острых и длинных как иглы зубов. Это была коварная, прожорливая щука Клацка.

– Кра-ка-ул! – что есть мочи завопил маленький рак вместо «Караул!», до того он испугался.

Острые зубы клацкнули, живая ловушка захлопнулась, вокруг Яшки стало темно и жутко.

Маленькая форель услышала пронзительный крик рака.

Маленькая форель даже разглядела, как Яшкин левый ус, тот, что был наполовину длиннее правого, выскользнул из захлопнутой щучьей пасти. Он прощально извивался из стороны в сторону, словно флаг тонущего корабля.

– Это ужасно! – воскликнула маленькая форель, не в силах вынести картины Яшкиной гибели, и понеслась прочь.

Однако Яшка вовсе не собирался ни с кем прощаться. Кончик его уса нащупал щучью ноздрю и бесцеремонно залез в нее. Кровожадная щука нараспев произнесла: «А-а-а», а затем выпалила: «ПЧХИ!» И из ее разинутой пасти Яшка пулей влетел прямо в родительский дом!

Яшка знакомится с Нордиком

Освободившись из острых Клацкиных зубов, Яшка лежал посредине комнаты. Случившееся разбросало в разные стороны его коротенькие мысли и, когда они соединились вместе, Яшка решил, что щука Клацка большая проказница. С этой мыслью он выбрался наружу.

Несчастливая Клацка все чихала. От каждого ее чиха со дна поднимались фонтаны ила. Щуку сносило вниз по течению, а, когда она скрылась за поворотом, водные просторы снова наполнились движением. Крупные рыбины, как им и положено, плавали у самого дна, средние – посередине, мелкие рыбешки резвились на поверхности. Там было солнечно и тепло.

Среди мелкотни Яшка заметил форель и радостно замахал ей обеими клешнями. Серебристая рыбка, увлеченная игрой с подружками, не замечала подаваемых знаков. Тогда рак поплыл к рыбкам. Однако всплывать в заданном направлении оказалось непросто, так как Яшка умел плавать лишь хвостом вперед. Ко всему прочему течение сносило его вниз. И, когда рак достиг поверхности речки, серебристых рыбок там не было. Лишь черная птица с белой грудкой неутомимо кружилась над водой. Набрав высоту, птица камнем падала вниз.

– Собираешься нырнуть? – спросил Яшка у незнакомки и выпучил глаза, чтобы не прозевать интересный момент. Птица застыла над самой водой и смерила рака насмешливым взглядом. Яшка сконфузился и помахал ей клешней. Белогрудая птица взмахнула сильными крыльями и исчезла в ослепительных лучах солнца. Маленький рак остался один. Ему тоже хотелось взлететь вслед за птицей так же легко и стремительно. Задача ему казалась пустяковой: взять и полететь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.